

Научно-исследовательская статья

УДК 111.85

DOI: 10.24412/2078-9238-2026-359-85-91

ЭСТЕТИКА ЖЕНСТВЕННОСТИ В ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ИСКУССТВЕ

Дина Сергеевна Гаврикова

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

gavrikovads@mgpu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5250-3390>

Аннотация. В статье рассматривается специфика традиционной японской эстетики, которая стала для японцев в XXI в. выражением их национального бытия. Автор показывает, что женственность как основная черта японской эстетики принимает различные формы, раскрывая сложности и противоречия современной японской культуры. Через анализ современного японского искусства выявляются актуальные тенденции в картине мира японцев.

Ключевые слова: японская культура, женственность, эстетика ики, укие, кавайи, современное японское искусство

Для цитирования: Гаврикова Д. С. Эстетика женственности в японской культуре и ее проявление в современном японском искусстве // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2026. № 3 (59). С. 85–91. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2026-359-85-91>

Scientific research article

UDC 111.85

DOI: 10.24412/2078-9238-2026-359-85-91

THE AESTHETICS OF FEMININITY IN JAPANESE CULTURE AND ITS MANIFESTATION IN CONTEMPORARY JAPANESE ART

Dina S. Gavrikova

Moscow City University,

Moscow, Russia,

gavrikovads@mgpu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5250-3390>

Abstract. This article examines the specifics of traditional Japanese aesthetics, which has become an expression of national identity for the Japanese in the 21st century. The author demonstrates how femininity, a fundamental feature of Japanese aesthetics, takes various

© Гаврикова Д. С., 2026

forms, revealing the complexities and contradictions of contemporary Japanese culture. Through the analysis of contemporary Japanese art, current trends in the Japanese worldview are revealed.

Keywords: Japanese culture, femininity, iki aesthetics, ukiyo, kawaii, contemporary Japanese art

For citation: Gavrikova, D. S. (2026). The aesthetics of femininity in Japanese culture and its manifestation in contemporary Japanese art. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, (3 (59)), 85–91. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2026-359-85-91>

Введение

В японской культуре культ красоты нашел выражение в самых разных видах искусства и сферах деятельности. Начиная с эпохи Хэйан (VII–IX вв.), времени формирования национальной идентичности, японские аристократы проводили свой досуг, любясь цветущими деревьями и полной луной, сочиняя стихи *танка* и наслаждаясь обществом прекрасных фрейлин. Ритуализированность действий только усиливала значимость этих обрядов, превращая их не в забаву, а в необходимую часть бытия. Сопричастность прекрасному стала частью религиозного мышления японца, который в природе, в окружающем его мире находил продолжение себя. Эстетическое сознание японцев сформировалось на основе анимистических представлений синтоизма и способствовало тому, что человек воспринимал себя неотъемлемой частью мира и реагировал на все, что видел, слышал и ощущал, как на равноценное.

Сформировавшиеся эстетические категории, выражающие тонкие переживания, глубинные волнения души, обусловили женскую интуитивную сущность японской культуры. Такое важное для японской культуры понятие, как *моно-но аварэ*, выявляло почитание изначальной красоты и гармонии Природы, под которой понимались не только горы, реки, цветы, но и человек и его чувства [Григорьева, 1979, с. 264]. Это породило убеждение в том, что у каждого явления, вещи есть душа, которая прекрасна, как и все в мире, рожденном божествами *ками*. Слово *аварэ* означает эмоциональный отклик, движение души человека, возникающее при соприкосновении с душой вещи. Эмоциональное восприятие вещей породило особую эстетику женственности, в которой проявилось внимание к тонким деталям, утонченное изящество, стремление уловить на уровне чувств и ощущений суть предмета или явления.

Отличительной особенностью всей хэйанской культуры было *переживание красоты*. Однако это чувство красоты как особый тип восприятия мира носило оттенок печали и было окрашено ощущением иллюзорности мира, идущим от буддийской философии. В нем не было жизнерадостности; напротив, оно заключало в себе момент быстротечности бытия: красота раскрывалась в своей высшей точке и ощущалась как мгновенная, едва уловимая, исчезающая. Поэтому понятие *моно-но аварэ* часто переводят как *грустное очарование вещей*.

Содержание и результаты исследования

Эстетика *моно-но аварэ* повлияла на традиционное японское искусство, в большей степени на литературу и живопись, а в XVII в. и на гравюру. Однако вместе с тем в гравюре появляются и новые эстетические принципы, связанные с новой эпохой и новым мироощущением.

Этот массовый, доступный почти каждому горожанину вид искусства, который сами японцы считали простым ремеслом, стал проводником новой эстетики — *укие*. Гравюра была, с одной стороны, зеркалом эпохи, а с другой стороны, преемницей тех эстетических принципов, которые сформировались еще в древности.

Эпоха Токугава (1603–1868) — период в истории Японии, когда страна после долгих междоусобных войн стала единым государством и проводила политику изоляции от внешнего мира. Это время мира и процветания и одновременно очень жестких ограничений со стороны правительства. В этих условиях, замкнувшись в своем маленьком собственном мире, японцы стремились вырваться из тесных рамок социальных ограничений и почувствовать радость бытия. И гравюра вкупе с театром Кабуки и чайными домами Есивара, где обитали гейши, стала способом получения эстетического удовольствия, целым противоречивым миром радости момента. Эмоциональная двойственность: с одной стороны, гедонизм, наслаждение жизнью, с другой — готовность к несчастьям, перипетиям жизни, ощущение бренности мира, — стала ключевой в новой эстетике японского искусства — искусства *укие*. Писатель Асаи Реи в своей «Повести о зыбком мире» («Укие-моноготари», 1665) писал: «Жить только для момента, обращать внимание на красоту луны, снега, цветущих слив и кленовых листьев, распевать песни, наслаждаться вином, развлекаться, нисколько не заботясь о нищете, смотрящей нам в лицо, отвергать уныние... вот что мы называем *укие*» [цит. по: Успенский, 2001, с. 62]. Литература, театр и гравюра стали выразителями понятия *укие* как главного мироощущения эпохи.

Самый популярный жанр гравюры *бидзин-га* соответствовал определенной тематике и определенному выбору образов — это изображение красавиц. Женский образ, уподобленный природе и одновременно создающий мир физической человеческой красоты, отвечал эстетическим запросам японского общества. Эстетика *ики* стала главным понятием японского ощущения прекрасного в эпоху Эдо. Феномену *ики* сложно найти точный эквивалент в русском языке, чаще всего его переводят как *шик*, *оригинальность*, *изысканность*, *интеллект*. С. А. Гудимова пишет: «ики — это сочетание подчас противоречивых состояний, чье “мерцание” составляет особую атмосферу, которую можно только пережить» [Гудимова, 2022, с. 187]. Так как описать это эстетическое понятие невозможно, то его передавали через образ, символ. Именно созерцание красоты было способом постичь суть японского мироощущения. Юная красавица, срывающая с дерева цветок вишни, — это момент наивысшего переживания

быстротечности красоты и в то же время выражение утонченности и изящества. Такие знаменитые японские художники эпохи Эдо, как Судзуки Харунобу и Китагава Утамаро, выразили эту эстетику в своей гравюре и сделали ее доступной для широкой публики. В повседневной жизни *ики* находило выражение в хорошем вкусе, учтивом поведении и изяществе манер. Так, эстетические категории *моно-но аварэ* и *ики* слились воедино в искусстве *укие*, выражая сложный мир переживаний.

В начале XX в. японская культура претерпела натиск западных ценностей и под их влиянием стала искать новые формы самовыражения. Японские мыслители начали обращаться к своей традиции в поисках собственной национальной идентичности, уникальности своей культуры. Одним из ответов стала работа японского философа Куки Сюдзо «Структура ики» (1930). В ней он раскрыл эстетическое понятие *ики* как главного явления традиционной японской культуры и традиционного сознания. В условиях быстро меняющегося мира он показал, что *ики* не просто явление эпохи, а суть духовной традиции Японии. Куки Сюдзо писал: «Мы только тогда чувствуем и понимаем внутренний смысл ики, когда мы постигаем его структуру как самораскрытие бытия нашей нации» (цит. по: [Скворцова, 2021, с. 160]). Куки различал как природные, так и человеческие проявления эстетического феномена *ики*. Гибкие ивовые деревья, чьи тонкие стволы гнутся под сильным ветром, но не ломаются, — главный пример проявления *ики* в природе. Среди человеческих проявлений *ики* японский философ выделял спокойный голос, легкую расслабленность в движениях, слегка согнутые руки, скромный макияж и ношение тонкой ткани. Эта эстетика женственности соотносилась с мироощущением хрупкости бытия.

В современной японской культуре эстетика женственности усложняется вызовами западного мира и рефлексией о своей собственной традиции. Она проявляется в японском стиле поведения, в японском искусстве. В массовой культуре это связано прежде всего с понятием *кавайи*, которое определяется активным распространением *милого* в японской повседневности. Быть кавайным — значит быть очаровательным, приятным человеком и соответствовать ожиданиям общества. Кавайным может быть как человек, так и предмет. Корни *кавайи* уходят в японскую культуру прошлого, но сегодня *кавайи* стало современным феноменом, особенно заметным в молодежной культуре и субкультуре аниме. Обилие милых, маленьких, почти детских предметов и образов, окружающих людей повсюду: в магазинчиках, спортивных и муниципальных учреждениях, в персонажах кино и аниме, — создает атмосферу *кавайи*, то есть чувство спокойствия и умиления. Самыми популярными кавайными героями стали котенок Hello Kitty, покемоны и персонажи некоторых анимэ, например Тоторо.

Однако за очаровательным флером кавайи скрываются внутренний кризис современного японского общества потребления и инфантильность молодого поколения перед вызовами и сложностями реальной жизни [Емота, 2019, с. 185].

Эта идея четко прослеживается в работе Инухито Емота «Теория кавайи» и в творчестве известного японского художника Такаси Мураками. Изображение ярких улыбающихся цветов на картинах Мураками на первый взгляд кажется привлекательным, но в то же время создает чувство тревоги и растерянности. Возникает двойственность восприятия: улыбка цветка одновременно искренняя и неестественная, похожая на маску. Это отражает давление современного общества, особенно в Японии, где важно всегда сохранять вежливую и счастливую внешность, скрывая настоящие эмоции.

Кавайи в современной японской культуре можно рассматривать, с одной стороны, как форму эскапизма, а с другой — как стремление продемонстрировать миру лицо современной японской культуры. Именно массовая японская кавайная культура стала популярной и привлекательной для западного мира и превратилась в некий символ Японии [Белова, 2024, с. 175].

Однако не все в Японии являются приверженцами эстетики *кавайи*. Одновременно идут поиски глубины и возрождения национальной художественной традиции. Сочетание западных трендов и собственной культуры породило новые интересные формы современного японского искусства, где женственность проявлена не в детскости и незащищенности, а в изысканности и оригинальности.

Современный японский художник Итиро Цурута (род. 1954) обращается к такому традиционному жанру японского изобразительного искусства, как *бидзин га* (изображение красавиц). В его творчестве можно увидеть сочетание традиционной стилиевой манеры японской гравюры с европейским арт-деко. Как известно, в конце XIX в. японская гравюра обогатила европейское искусство, вдохнула в него новую жизнь и способствовала рождению стиля арт-деко. В своих работах Итиро Цурута использует яркие цвета, выразительную сильную линию, детализированную проработку декоративных элементов, создавая свой уникальный стиль, который объединяет традиционную красоту и модернизм. Необычные позы красавиц Цуруто, символика цвета, контрастность и плоскостность выводят эти образы за пределы обыденной жизни, превращая их в кульминацию красоты. Японские девушки на картинах художника отличаются от своих красавиц XVII в. лишь большей обобщенностью и наличием современных аксессуаров, таких как шляпка, круглые серьги, перчатки, но сама внутренняя суть этой эстетики не изменилась. Шик, чувственность, тайна — все эти описания раскрывают основные черты творчества Цуруто. Хотя женский образ занимает почти все пространство картины, фон, согласно восточной традиции, играет не меньшее значение. Нежно-розовые и мягко-зеленые тона фона, рождающие ассоциации наступающей весны, солярные и лунарные символы, замечаемые в аксессуарах, летящие лепестки цветов, связывают женское начало с природой, вечно изменчивой и вечно прекрасной. Об этом же говорят и названия картин: «Голубое лето», «Красная зима», «Вселенная».

Эстетика *ики*, основывающаяся на женственной красоте, как отмечал Куки Сюдзо, действительно стала частью бытия японцев. Причем женственность

не является только частью женского мира, она присуща и мужчинам, гендерное различие здесь отсутствует. Речь идет скорее о восприятии красоты как национального мироощущения.

Эта же тема — женские портреты — становится основным мотивом творчества Икэнаги Ясунари (род. 1965) — современного художника, который стал продолжателем древней японской традиционной живописи *нихонги*. В отличие от Итиро Цуруто, он вдохнул в каждую из своих красавиц индивидуальность. Работы Ясунари очень реалистичны и полны нежности и любви к своим героиням. Они мечтательны, задумчивы, расстроены или просто спят. Здесь нет обобщений, нет символики и декоративности, но звучит жизненность и глубина чувств. Героини Икэнаги Ясунари выглядят нашими современницами, но окруженные тканями, украшенными старинными традиционными орнаментами; они становятся проводниками в мир средневековой эстетики *ики*. Такой прием — совмещение настоящего и прошлого на одной картине — нередко использовался еще в XVII–XVIII вв. художниками, которые играли со своим зрителем, создавая аллюзии и расширяя границы восприятия. Современные японские девушки, написанные рукой Ясунари, произвели большое впечатление на общественность, так что художник быстро обрел всемирную популярность. Его работы даже участвовали в глобальном благотворительном проекте, деньги с продажи репродукций его картин перечислялись в фонды, занимающиеся помощью нуждающимся.

Иное видение женственности можно увидеть у Такато Ямамото (род. 1960), отражающего темную, хаотичную, пугающую сторону женского начала, способную низвергнуть в пучину. Особенностью его творчества является синтез гравюр, выполненных в стиле *укие* и эстетики декаданса. Жанр *кайдан* (мистика и ужасы) в японской литературе, живописи и гравюре был любим японцами, в нем отразились верования в духов и призраков, обитающих рядом с человеком, и это характерно для синтоистского мироощущения. Жизнь и смерть, прекрасное и ужасное — главные темы художника. Женский образ может быть одновременно и чарующ, и пугающ, и в этой изменчивости его суть. Такато Ямамото назвал свой стиль *поп-укие-э*. В нем соединились традиционное японское искусство и современный поп-арт. Идея, что наивысшее наслаждение красотой может быть достигнуто только перед смертью, сквозит в работах художника. Эстетика женственности здесь проявляется в чувственности, страсти, любви и смерти.

Заключение

Творчество названных художников лишено кавайности; здесь женственность проявлена не в детскости, милоте и невинности, но в утонченности, внутренней силе и оригинальности. Это говорит о сложности и амбивалентности современной японской культуры, где наряду с сильным психологическим

напряжением общества сосуществует стремление к отражению глубины чувств и поиску собственной идентичности.

В XXI в. японское искусство, активно экспериментируя с разными стилями и техниками, нашло питательный глубинный источник в средневековой эстетике, которая проявляет себя по-разному в работах современных художников, но продолжает быть частью национального японского мироощущения.

Список источников

1. Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М.: Наука, 1979. 368 с.
2. Успенский М. Японская гравюра. СПб.: Аврора, 2001. 62 с.
3. Гудимова С. А. Сокровенная красота японской эстетики [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. 2022. № 4. С. 183–193.
4. Скворцова Е. Л. Японская эстетика XX века. Антология. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 592 с.
5. Емото И. Теория кавайи. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 216 с.
6. Белова Д. Н. Амбивалентность кавайи как феномен современной эстетики Японии // Культура и искусство. 2024. № 6. С. 164–178. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2024.6.70786>

References

1. Grigor'eva, T. P. (1979). *Japanese artistic tradition*. Nauka. (In Russian).
2. Uspenskij, M. (2001). *Japanese prints*. Avrora. (In Russian).
3. Gudimova, S. A. (2022). The secret beauty of Japanese aesthetics [Review]. *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 3: Philosophy*, (4), 183–193. (In Russian).
4. Skvorcova, E. L. (2021). *Japanese aesthetics of the 20th century. Anthology*. Center for Humanitarian Initiatives. (In Russian).
5. Yomoto, I. (2018). *Kawaii theory*. New Literary Review. (In Russian).
6. Belova, D. N. (2024). Ambivalence of kawaii as a phenomenon of contemporary Japanese aesthetics. *Culture and Art*, (6), 164–178. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2024.6.70786> (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Дина Сергеевна Гаврикова — кандидат философских наук, старший преподаватель департамента философии и социальных наук Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

Dina S. Gavrikova — PhD in Philosophy, Senior Lecturer of the Department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Human Sciences, Moscow City University, Moscow, Russia.

gavrikovads@mgpu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5250-3390>